

С. В. Санников

**Методологические аспекты реконструкции
европейских средневековых образов власти.**

В последнее десятилетие в отечественной научной литературе прослеживается рост интереса исследователей к изучению образов власти эпохи европейского средневековья, в том числе, образов власти эпохи Великого переселения народов. Данные работы особенно интересны в методологическом отношении, поскольку в них представлены различные подходы к предмету исследования. В частности, в тематических научных сборниках, изданных под редакцией Н.А. Хачатурян¹, исследователями представлен широкий спектр новаторских методологических подходов от историко-политологического анализа до искусствоведческого подхода. В работе И.Ю. Николаевой образы власти эпохи Меровингов анализируются с позиций методологического синтеза, в основе которого концепции харизмы М. Вебера, авторитарного характера Э. Фромма, габитуса П. Бурдьё, а также мощный теоретико-методологический аппарат направления психоистории, разработанный на стыке психоанализа и интеллектуальной истории². В работе П.П. Шкаренкова процесс формирования раннесредневекового образа королевской власти анализируется с точки зрения культурно-антропологического подхода, с применением концепции общественно-исторического мифа Г.С. Кнабе, метода «насыщенного описания» К. Гирца, а также семиотического подхода Ю.М. Лотмана³.

Необходимо отметить, что отличительной чертой современных исследований, посвященных изучению образов власти, вообще является методологическое разнообразие, которое обусловлено многоплановостью самого предмета исследования. Как справедливо отметил Б.Г. Могильницкий, «не существует единой модели междисциплинарного синтеза, как не может быть и единого набора участвующих в нем дисциплин»⁴. Вопросы изучения образов власти находятся на пересечении познавательных проблем таких дисциплин, как политология, культурология, историческая наука, психология, социология, что не может не сказаться на количестве существующих подходов к изучению данных образов, а также вызывает определенные затруднения с приведением данных подходов в общую методологиче-

Санников Сергей Викторович, к.и.н., советник Администрации Новосибирской области.
Эл. почта: sannikov_s@ngs.ru

¹ *Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда*. М., СПб., 2001; *Королевский двор в политической культуре средневековья Европы: Теория, символика, церемониал*. М., 2004; *Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти*. М., 2006; *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М., 2008.

² *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

³ См.: *Шкаренков П.П.* Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам. Автореф. диссерт. докт. ист. наук. М., 2009.

⁴ *Могильницкий Б.Г.* Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов» // *Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы*. Томск, 2002. Гл. 1. С. 10–42.

скую систему. В связи с этим представляется целесообразным начать исследование с обзора основных подходов к изучению образов власти, представленных в научной литературе.

Семиотический подход получает развитие благодаря работам французского философа Р. Барта, занимавшегося изучением отношений языка и власти¹. В соответствии с данным подходом язык представляет собой своеобразный код, отражающий категории власти и подчинения, являющийся одновременно универсальным средством подавления и принуждения, и основным средством трансляции власти. Новацией данного подхода является возможность рассматривать явления культуры в качестве смысловых кодов, что позволяет успешно применять его к анализу символов власти. Семиотический подход к изучению средневековой культуры, в том числе, изучению образов власти эпохи средневековья, представлен в отечественной науке, например, в работах С.С. Аверинцева². Ярким примером применения данного подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья может считаться работа М.Б. Ямпольского³.

Культуролого-антропологический подход, идейными основоположниками которого могут считаться представители французской историографической школы «Анналов», представлен в отечественной историографии работами видного отечественного медиевиста А.Я. Гуревича⁴. Данный подход ориентирован на междисциплинарный методологический синтез, позволяющий изучать различные аспекты историко-культурного процесса (в том числе, образов культуры) через изучение человека, категорий его сознания, истории повседневности, в связи с чем данный подход успешно применяется в сочетании с другими подходами. В частности, на стыке культуролого-антропологического и цивилизационного подходов выполнена работа С. Лебека, в которой анализируется образ короля франков Хильдерика⁵. На стыке культуролого-антропологического и семиотического подходов выполнены работы Г.С. Кнабе⁶. На стыке культуролого-антропологического подхода, семиотики и классической герменевтики выполнено диссертационное исследование П.П. Шкаренкова.

Психологический подход формируется под влиянием учения о психических аспектах природы власти и авторитета, сложившегося в рамках направления психоанализа. В числе классиков современных гуманитарных наук, использовавших элементы психологического подхода в анализе образов власти, можно

¹ Классические положения данного подхода были представлены в инаугурационной лекции Р. Барта в Collège de France. См.: Barthes R. Inaugural Lecture: Collège de France // A Barthes Reader. 1982.

² См., напр.: Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М., 1977. С. 315–316.

³ Ямпольский М.Б. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец старого режима. М., 2004.

⁴ См., напр.: Гуревич А.Я. История и saga. М., 1972.

⁵ Lebecq S. The Two Faces of King Childeric: History, Archaeology, Historiography // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms... P. 272–287.

⁶ Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. М., СПб., 2006; Он же. Рим Тита Ливия – образ, миф и история // Тит Ливий. История Рима от основания Города. Т. III. М., 1994.

назвать М. Фуко, изучавшего связь власти и сексуальности¹. В настоящее время психологический подход к изучению образов власти является одним из наиболее распространенных², но, в то же время, далеко не исчерпанных с методологической точки зрения. Большой вклад в развитие данного подхода внесли участники круглого стола «Харизма королевской власти», проведенного в 1995 г. в Институте Всеобщей истории РАН³. Блестящим примером междисциплинарного синтеза с применением психологического подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья могут считаться работы И.Ю. Николаевой⁴.

Искусствоведческий подход широко представлен в изучении художественных аспектов иконографии власти. Данный подход имеет в своей основе художественный метод, направленный на изучение особенностей конструирования образов в искусстве. В медиевистике данный подход получает широкое применение как в исследовании предметных художественных символов власти (геральдике, нумизматике, сфрагистике, изучении портретов и иллюстраций), так и в междисциплинарных семиотических исследованиях. В частности, на стыке искусствоведческого, психологического, и семиотического подходов выполнена работа М.Б. Ямпольского, посвященная анализу образа королевы Марии-Антуанетты на одной из гравюр, созданных вскоре после ее казни⁵.

Институционально-правовой подход является перспективным, однако, достаточно редко используемым методом реконструкции исторических образов власти. Примером использования институционально-правового подхода к изучению средневековых образов власти является работа Н.А. Хачатурян, посвященная анализу властных функций бургундского двора на материале трактата Оливье де Ля Марша⁶. Другим примером использования данного подхода к изучению образов власти эпохи раннего средневековья может служить работа А.Г. Глебова, в которой автор анализирует представления англосаксов о короле и королевской власти на материале памятников англосаксонского законодательства VII–VIII вв.⁷

Таким образом, в современной научной литературе прослеживаются не менее пяти различных методологических подходов к изучению образов власти, и все перечисленные подходы достаточно непросто свести к «единому знаменателю». Для решения данной методологической проблемы и согласования между собой столь различных по своим теоретико-концептуальным основаниям подходов необходимо

¹ См.: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

² См. более подробно о данном подходе: Шестопал Е.Б. Образы власти в постсоветской России. М., 2004.

³ См.: Средние века. Вып. 58. М., 1995.

⁴ Николаева И.Ю. О харизме меровингов или о возможности методологического синтеза и верификации в истории ментальности // Европейские исследования в Сибири. Томск. 2000. С. 58–74. Она же. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.

⁵ Ямпольский М. Королева и гильотина (Письмо, очищение, телесность) // Новое литературное обозрение, 2004. № 65.

⁶ Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате О. де Ля Марша // Двор монарха в средневековой Европе. М., 2001. С. 121–136.

⁷ Глебов А.Г. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // Право в средневековом мире. М., 1996. С. 208–220.

более четко структурировать содержание самого объекта исследования, т. е. образа власти.

Попытка структурного анализа совокупности черт «потестарного образа власти» была предпринята в работе К.А. Соловьева¹. Данные черты разделены автором на две группы составляющих: 1) *способ обретения власти*; и 2) *способ легитимного действия*. Данная классификация структурных составляющих образа власти представляется достаточно обоснованной, и применимой к анализу факторов легитимности, соответствующих конкретному социуму и определенной исторической эпохе. В то же время, необходимо учитывать, что образ власти представляет собой явление комплексное, выходящее за рамки процессуальных аспектов легитимации статуса субъекта власти, и лежащее, скорее, в области культуры и психики. Образ власти представляет собой отражение политической действительности, возникающее в результате преломления характеристик субъекта власти в призме восприятия современников или потомков, что должно обязательно учитываться при исследовании и реконструкции данного образа. В частности, образ власти, отраженный в исторических источниках, может носить мифологический характер и диаметрально отличаться от того образа, который был известен современникам самого субъекта власти, более того, не всегда представляется возможным вообще оценить историчность тех или иных образов, в связи с чем историку нередко приходится иметь дело с анализом чистых культурно-мифологических конструкций.

Решению методологической проблемы, связанной с реконструкцией образа (отделением исторических черт «потестарного образа» от мифологических характеристик, атрибутируемых субъекту власти реципиентами образа) может, на мой взгляд, способствовать привлечение методологического подхода, представленного в исследовании образов власти с современной России, выполненном под руководством Е.Б. Шестопаля². В соответствии с разработанной исследователями методологией, образ власти представляет собой особую психологическую реальность, в которой можно выделить содержательное измерение (отражаемый объект) и психологическое измерение (отражение объекта воспринимающим субъектом).

Составляющие содержательного измерения образа короля и королевской власти, получающие отражение в раннесредневековой литературе, могут быть условно разделены на три основные группы: 1) характер господства (источники, способы легитимации, механизмы осуществления власти, методы удержания и укрепления власти); 2) составляющие персональной харизмы короля (структура личности, ритуальные и повседневные модели поведения); 3) внешние атрибуты королевской власти (предметные, вербальные, и процессуальные потестарно-правовые символы). Данные группы, конституирующие в своей совокупности содержательное измерение образа власти, представляют собой неоднородное с онтологической точки зрения явление, изучение которого требует выработки комплексного междисциплинарного подхода. Выработку данного подхода необходимо начать с онтологиче-

¹ Соловьев К.А. Эволюция форм легитимации государственной власти в древней и средневековой Руси. IX – первая половина XIV вв. Интернет-журнал "Махаон", №1, январь-февраль 1999 г. http://www.history.machaon.ru/all/number_02/diskussi/1/index.html

² Шестопаля Е.Б. Образы власти в постсоветской России. М., 2004.

ской классификации различных групп составляющих содержательного измерения образа власти. Как мне представляется, рассматриваемые группы могут быть соотнесены с определенными онтологическими сферами¹, а именно, социосферой (характер господства), психосферой и биосферой (составляющие харизмы), техносферой и культуросферой (потестарные символы)². Соответственно, анализ каждой группы составляющих образа короля требует применения специфических методов, которые не всегда будут применимы к анализу другой группы. Это позволяет предложить комплексный метод изучения составляющих содержательного измерения образа власти, который будет включать применение институционально-правового подхода к анализу составляющих, соответствующих социосфере, использование психологического подхода для анализа составляющих, соответствующих психосфере, и применение культуролого-антропологического, истисововетведческого и семиотического подходов к анализу составляющих, соответствующих биосфере, техносфере и культуросфере.

Анализ психологического измерения образа требует обращения к такой важной категории массового сознания, как миф, поскольку образы власти относятся к сфере политической мифологии. Необходимо отметить, что феномен политической мифологии представляет интерес с точки зрения целого ряда научных дисциплин: политической антропологии, культурологи, религиоведения, социальной психологии. Несмотря на наличие ряда попыток систематизации представлений о политической мифологии³, проблема типологии политических мифов и их источников до сих пор не вполне решена. Для решения этой проблемы необходимо, на мой взгляд, обратиться к вопросам происхождения и природы политических мифов.

В сакральной мифологии можно, на мой взгляд, помимо теогонических, космогонических, и антропогонических представлений выделить комплекс мифологических образов, связанных с представлениями о сверхъестественном происхождении публичной власти и сакральной природе носителей данной власти. Данный комплекс я предлагаю обозначить термином «потестарная мифология». Компаративный анализ источников с применением метода феноменологического анализа, типологического и историко-генетического методов, позволил выделить следующие потестарно-мифологические архетипы:

Мудрец (мудрый старец) – архетип, прослеживающийся в германском потестарно-мифологическом образе бога и эпического конунга шведов Одина как носителя сакрального знания, дававшего ему власть над живыми и мертвыми. Элементами данного образа являлась способность понимать язык животных,

¹ Концепция онтологических сфер представлена в работе: *Розов Н.С.* Рациональная философия истории: ценности, сферы бытия и динамические стратегии // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 40–44.

² При построении классификации я разделяю «биотехносферу» Н.С. Розова на биосферу и техносферу. Онтологические сферы бытия могут, на мой взгляд, также быть сопоставлены с используемыми И.Ю. Николаевой «полями» П. Бурдые. См.: Николаева И.Ю. Методологический синтез... С. 120–121.

³ *Cassirer E.* Myth of the State. New Haven, London, 1946.; *Flood C.G.* Political Myth: A Theoretical Introduction. New York, 2002.; *Bottici C.* A Philosophy of Political Myth. Cambridge, 2007.

разговаривать с мертвыми и представителями других миров, учить, а также давать законы.

Защитник (покровитель) – архетип, который может, на мой взгляд, рассматриваться как элемент упомянутого К.Г. Юнгом представления о «золотом веке», для которого характерно наличие правителя, опекающего своих подданных¹. Представление о верховном правителе как о защитнике является глубоко укорененным в традиционном сознании, на что указывает такое образное название правителя, содержащееся в архаичной англосаксонской лексике, как «защитник народа» (*folces hyrde*). В потестарной мифологии архетип «защитника» прослеживается, например, в образе бога Одина как эпического конунга Швеции, который должен был «защищать страну и приносить жертвы за урожайный год»².

Герой – один из наиболее значимых архетипов, прослеживаемых в эпосе и потестарной мифологии. В развернутом виде потестарно-мифологический архетип героя представлен, в частности, в североευропейской эпосе «Беовульф» в образе знатного молодого воителя Беовульфа, приобретающего статус конунга. Необходимо отметить, что архетип «героя» во многих случаях близок архетипу «защитника», однако, данные архетипы не тождественны, что вполне прослеживается на примере тандема Хродгар (защитник) – Беовульф (герой).

Искатель (проводник) – потестарно-мифологический архетип, атрибутами которого являются странствия, поиски, совершение походов. В концептуальном срезе данный архетип связан с переменами, поиском лучшей участи, различного рода новациями. В памятниках архаичной мифологической традиции данный архетип прослеживается в образе Одина, отправившего со своим народом в северные страны, чтобы создать там королевство, а также в образе эпического конунга Свейгдира, давшего обет найти «жилище богов и старого Одина», и блуждавшего по свету в поисках данного жилища.

Жертва (мученик) – специфический потестарно-мифологический архетип, прослеживаемый на материале ряда образов эпических и мифических конунгов. Одной из ранних форм выражения данного архетипа может считаться образ скандинавского бога Одина, принесенного в жертву самому себе.

Праведник – архетип восстановителя легитимного порядка, справедливости, получающего помощь сверхъестественных сил. В германской культуре данный архетип прослеживается как в эпических произведениях, восходящих к дохристианской культуре (например, в Беовульфе – своеобразном кодексе чести германской знати), так и в христианской историографии эпохи Великого переселения народов (в полной мере данный архетип прослеживается в образе Хлодвига в произведении Григория Турского «История франков»).

Оплодотворитель – архетип, получающий выражение в образе верховного правителя, являющегося источником плодородия земли и богатства народа, нередко посредством своих выдающихся сексуальных способностей. Данный архетип наиболее ярко выражен в образе мифологического конунга Ингви (Фрейра), который считался в древней Скандинавии богом плодородия.

¹ См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

² Стурлусон С. Круг земной. М., 1995. С. 15.

Таким образом, представленная методологическая система исследования образов власти, основана на дифференциации содержательного и психологического измерения образов власти, выделении нескольких сфер содержательного измерения образов, их онтологической классификации, а также типологической классификации потестарно-мифологических архетипов, лежащих в области психологического измерения образа власти. Применение данной методологии, основанной на междисциплинарном подходе, позволяет не только решить целый комплекс существующих познавательных проблем, в том числе, – проблему классификации потестарных и политических мифов, связанных с репрезентацией фигуры правителя, проблему отделения исторических черт «потестарного образа» от мифологических характеристик, атрибутируемых субъекту власти реципиентами образа, проблему структурирования механизмов легитимации власти в архаических и традиционных обществах, но и ставить принципиально новые познавательные проблемы, что позволяет говорить об инновационном характере представленной методологии.